

На следующее утро, едва вернувшись с утренней аудиенции, император Чунчжао без лишних церемоний хлопнул по одеялу, под которым всё еще сопел его младший сын.

Цюй Дубянь, пробужденный столь беспардонным образом, медленно пополз вверх. Из-под копны растрепанных волос на отца уставился взгляд, в котором читалось нескрываемое и предельно ясное желание быть оставленным в покое.

Император Чунчжао под этим взглядом почувствовал себя даже немного неловко.

— Странно, — пробормотал он, стараясь скрыть замешательство, — почему ты сегодня так долго дрыхнешь?

«А нечего было полночи книги читать», — подумал про себя Дубянь.

Он сладко зевнул и пробормотал вслух:

— Что-то случилось?

Император решил напустить таинственности:

— Скоро сам всё узнаешь. Эй, кто-нибудь! Умойте Седьмого принца и причешите. Как отзавтракаете, ведите его ко мне в Западный тёплый павильон.

Бросив эти слова, он поспешно удалился.

Всё это казалось Дубяню каким-то бессмысленным вздором. Умывшись и одевшись, он не спеша проделал обычную зарядку и только после этого принялся за завтрак. Даже зная о приказе отца, мальчик ни на йоту не изменил привычному распорядку, не выказывая ни малейшей спешки.

— Ваше Высочество, — вошел в комнату Вэнь Сяочунь, — прибыли слуги из дворца Шуньнин. Говорят, наложница Сюань и принцесса Чжии прислали вам ответные дары.

Цюй Дубянь, уже собиравшийся идти к отцу, замер. Любопытство мгновенно взяло верх.

— Неси скорее, хочу взглянуть.

Вскоре подарки внесли в покои. Это оказалась миниатюрная повозка — как раз по размеру ребенка. С виду она напоминала изящную рикшу, но по бокам были установлены прочные

защитные поручни.

— Ого!

Подарок пришелся как нельзя кстати. Дубянь давно мечтал о каком-нибудь средстве передвижения, чтобы не стаптывать ноги по пути в школу. Он ловко забрался внутрь, а Вэнь Сяочунь подхватил привязанную спереди веревку и легко прокатил принца по залу. Повозка слушалась малейшего движения: повороты и развороты давались ей без труда.

— Кажется, так идти гораздо легче, — заметил Сяочунь, остановившись. — Выглядит куда удобнее паланкина, да и веселее. Вам очень идет, Ваше Высочество.

Цюй Дубянь провозился с обновкой довольно долго, пока в покои не заглянул евнух Бао.

— Ваше Высочество, Его Величество уже заждался.

Только тогда мальчик вспомнил о делах «дорогого папеньки».

— Иду-иду.

Спрыгнув с сиденья, он последовал за евнухом в Западный тёплый павильон. Стоило ему переступить порог и обогнуть ширму, как он увидел на кане отца, а подле него — писаную красавицу.

Дубянь невольно замедлил шаг.

Красавица нежно улыбнулась:

— Так вот он какой, Седьмой принц. Впервые вижу его воочию, и правда — само очарование.

Император Чунчжао, заметив, что сын застыл у входа, поманил его рукой и тоже улыбнулся:

— Ну же, подойди. Познакомься, это благородная госпожа Чу. Тебе следует называть её «матушка Чу».

«...»

Дубяня посетило странное и не слишком приятное чувство. Всё это пугающе напоминало сцену из жизни, где отец решает жениться во второй раз и вместе с мачехой из кожи вон лезет, чтобы продемонстрировать ребенку «тепло новой семьи».

Он украдкой взглянул на благородную госпожу Чу. Сине-зеленое платье подчеркивало её красоту, но в её взгляде Дубянь уловил нечто такое... некую оценивающую холодность, от которой стало неуютно.

— Здравствуйте, госпожа Чу, — Дубянь нехотя подошел к отцу и надулся. — Зачем ты меня звал?

Такая манера общения с императором заставила госпожу Чу изумленно вскинуть брови. Она бросила взгляд на государя, но тот, похоже, давно привык к подобному тону, что удивило её ещё больше.

— Не хотел бы ты пожить несколько дней во дворце благородной госпожи Чу? — мягко спросил император Чунчжао.

Дубянь моргнул и спросил в лоб:

— Это отец выбрал мне в матери?

— Я же говорил: всё зависит от твоего желания. Я не стану принуждать тебя силой, но и ты не должен капризничать без меры. Благородная госпожа Чу обладает кротким нравом, она не из тех, кто привык бороться за чужое, и уж точно не похожа на тех дам, что преследовали тебя в саду. Она будет к тебе добра.

Благородная госпожа Чу вовремя добавила:

— Седьмой принц, пойдёмте поиграем в мой дворец, там найдется много интересного. Я живу в дворце Чансинь, там же находится и Пятый принц, так что вам будет с кем скоротать время.

Договорив, она потянулась было к руке Цюй Дубяня. Мальчик резко отшатнулся.

— Отец, я не хочу туда идти.

Рука госпожи Чу неловко замерла в воздухе.

— Не вольничай, — строго проговорил император Чунчжао. — Благородная госпожа Чу старше тебя, не смей дерзить.

— Может, это я... — начала было благородная госпожа.

Но Дубянь перебил её:

— Ты сам сказал, что госпожа Чу очень нежная. Значит, она не станет сердиться.

Госпожа Чу осеклась, невольно сминая край платка в рукаве.

— Разумеется, я не сержусь. Седьмой принц, неужели я вам чем-то не угодила?

— Просто не хочу, и всё.

Видя, что сын снова упрямится, император Чунчжао со вздохом взял его за руку и заговорил почти просяще:

— Ты ведь скучаешь по своей матери? Благородная госпожа Чу чем-то на неё похожа. Вы могли бы попробовать поладить.

«...Мать нельзя заменить только из-за внешнего сходства!»

От этого довода Дубяню стало тошно. Если бы его покойная мать знала об этом, ей было бы горько слышать подобные сравнения. На сей раз мальчик рассердился не на шутку.

Улучив момент, он вырвался из рук отца и отпрыгнул в сторону. Император Чунчжао дернулся, пытаясь его поймать, и, убедившись, что сын благополучно приземлился, помрачнел.

— Никакого воспитания! — прикрикнул он. — Ты на ровном месте спотыкаешься, а если бы упал с подставки для ног?

Дубянь уже вовсю припустил к выходу.

— Пойду погуляю!

Император Чунчжао в гневе хлопнул по столу.

— Ах ты, паршивец! — Он залпом осушил чашку холодного чая. — Этот мальчишка меня когда-нибудь в могилу сведет.

— Ваше Величество, не гневайтесь, — мягко проговорила благородная госпожа Чу. — Маленький принц просто слишком предан памяти своей родительницы.

— Я знаю. Обычно он просто шумный, но никогда не бывает таким упрямым. — Император Чунчжао вздохнул. — Однако даже принцы не живут вечно подле императора, это никуда не годится.

Цюй Дубянь, усевшись в свою новую повозку, направился напрямиком в Зверинец. Здесь содержались хищники, пойманные императором на охоте — тигры, медведи, — а также редкие и милые мелкие зверьки. Но больше всего здесь было кошек и собак. Дамы из гарема и знатные родственники часто заходили сюда, чтобы выбрать себе пушистого любимца или охотничьего пса.

В сопровождении служителя Зверинца Дубянь остановился перед псарней. В те времена еще не знали заморских пород, повсюду бегали исконные охотничьи и деревенские собаки.

— Ваше Высочество, щенки вон там, — лепетал служитель, утирая холодный пот. — Здесь только взрослые псы.

Вид маленького принца, который, заложив руки за спину, стоял перед клеткой и ростом был едва ли выше её обитателей, пугал беднягу до дрожи. Он готов был повесить на каждую дверь по пять замков, лишь бы чего не вышло.

— Скажи, — спросил Дубянь, — а есть здесь такие, что не кусаются?

— Кусачих псов во взрослую псарню не пускают, Ваше Высочество. Здесь все мирные. Но я бы всё же советовал выбрать щенка: если вырастить его самому, он будет куда послушнее.

Дубянь взял длинную бамбуковую палочку с нанизанным куском мяса и пошел вдоль клеток. Псарня тут же наполнилась разноголосым лаем: собаки отчаянно виляли хвостами, преданно заглядывая в глаза человеку с угощением.

Обойдя все вольеры, в самом конце Дубянь заметил крупную иссиня-черную собаку. Она спокойно лежала на месте, лишь слегка шевельнув хвостом, и даже не подумала подойти за мясом.

Пяти-чёрная собака.

Цюй Дубянь остановился и указал пальцем:

— Хочу её.

— Эту? — засомневался служитель. — Это сука, порода знатная, но она уже в годах. Недавно принесла последний помет, её скоро собирались выдворить отсюда. Может, выберете кого помоложе?

Дубянь подошел ближе к вольеру и, присев, поманил животное:

— Чернушка, Да Хэй...

Уши собаки дрогнули. Она медленно поднялась и подошла к самой решетке. Вэнь Сяочунь мертвой хваткой вцепился в воротник принца, готовый в любой миг оттащить его назад.

Подойдя к клетке, собака снова медленно легла. Она не сразу взяла мясо с бамбуковой палочки, а сначала через прутья осторожно обнюхала ладонь Дубяня.

— Да Хэй, а Да Хэй, хочешь пойти со мной?

Собака издала низкий, гортанный звук и съела брошенное мясо.

— Она согласна! — провозгласил Дубянь.

Служитель лишь развел руками. Что возьмешь с ребенка? Собака просто съела мясо, даже звука не издала — где он там разглядел согласие?

— Вы точно решили?

Дубянь состроил жалобную гримасу:

— Ну пожалуйста, откройте клетку!

Служитель расплылся в улыбке:

— Будет исполнено, Ваше Высочество. Обождите мгновение.

Даже если зверь смирный, предосторожность не помешает. Вскоре на морду Да Хэй надели некое подобие намордника, искусно выточенное из дерева, а на шею набросили крепкую веревку.

Под присмотром трех служителей, а также Вэнь Сяочуня и Е Сяюаня, Дубянь больше часа играл с новой подругой: бросал ей мяч, прятал вещи и заставлял искать. Постепенно они привыкли друг к другу.

Каждый раз, когда Дубянь отдавал команду, Да Хэй сначала внимательно смотрела на него, словно раздумывая, и только потом принималась за дело. У мальчика возникло странное чувство: это не он играл с собакой, а мудрая Да Хэй снисходительно позволяла ему развлекаться.

Когда они окончательно поладили, Дубянь велел подогнать свою повозку. Веревки закрепили

на теле Да Хэй, соорудив подобие упряжи.

Вечер. У ворот дворца Шуньнин.

— Ваше Высочество!

— Ваше Высочество, помедленнее! Прошу вас, осторожнее!

По дворцовой аллее уверенно и ровно катилась маленькая собачья повозка. Веселый перестук колес сопровождался залиvistым детским смехом. Цюй Дубянь раскинул руки навстречу ветру.

— Да Хэй, ты просто чудо!

Об этой забаве он мечтал еще в прошлой жизни, но тогда на собаку вечно не хватало времени. Пусть со стороны это выглядело дико и даже опасно, Дубянь был по-настоящему счастлив. Впервые с момента перерождения он чувствовал себя настолько свободным. Это было куда круче, чем даже кататься на той огромной каменной плите.

Да Хэй тянула повозку легко и плавно, а Вэнь Сяочуню приходилось лишь слегка пробежаться, чтобы не отставать.

Прислужница Го, обитавшая в задних покоях дворца Шуньнин, услышала этот смех и невольно подняла голову.

«Надо же, — подумала она с грустью, — в этих стенах еще звучит такой живой смех. Как давно я его не слышала».

Вскоре обладатель этого смеха уже всю стучал в ворота дворца Шуньнин. Слуги доложили наложнице Сюань, и та, выйдя на крыльцо, не смогла скрыть изумления:

— Маленький принц? Уже время ужина, что вы здесь делаете?

Дубянь весело осклабился:

— Пришел поблагодарить вас за подарок. — Он указал за спину. — Вот, смотрите, это просто потрясающая вещь!

Да Хэй, высунув язык, степенно вильнула хвостом, приветствуя наложницу. Е Сююань, утирая

пот, лишь виновато улыбнулся в ответ.

«...»

Наложница Сюань на мгновение лишилась дара речи. Насколько она помнила, эту повозку должен был тянуть человек.

— Моей была только идея, а на деле повозку мастерил прислужница Го, — проговорила она. — Пожалуй, в гареме нет никого искуснее её в плотницком деле.

— Прислужница Го — это моя матушка! — Из-за ворот высунулась маленькая девочка лет пяти. Её глаза, похожие на две черные виноградины, с любопытством изучали брата и его диковинную упряжку.

Это была принцесса Чжи, выбежавшая на шум.

— О? — Дубянь поднял голову.

— Это Чжи, единственная принцесса в нашем дворце, — пояснила наложница Сюань. — Можешь звать её сестрой.

— Сестренка, — послушно отозвался Дубянь. В прошлый раз, когда он приходил сюда подкормиться, сестры он не видел. Он-то думал, что у «папеньки» одни сыновья, а тут, оказывается, еще и дочка есть.

Принцесса Чжи привыкла к братьям, которые и взгляда в её сторону не бросали, а тут — маленький мальчик, да еще и зовет её сестрой. В ней тут же проснулось чувство важности «старшей родственницы».

Она вышла за ворота и вложила в его ладонь деревянного кролика:

— Это тебе, братик. В прошлый раз я пила твой чай, а это — мой подарок.

Дубянь пришел в полный восторг:

— Ого! Спасибо, сестренка! Мне безумно нравится!

— Мне... мне тоже нравится, — смущенно пролепетала принцесса, искоса поглядывая на собачью повозку.

В её взгляде читалась такая отчаянная жажда и нерешительность, что не заметить этого было

невозможно.

— Сестренка, хочешь, я научу тебя кататься? А ты за это оставишь меня на ужин?

Глаза принцессы Чжи и сияли:

— Конечно! Мама так вкусно готовит, даже наложница Сюань к нам часто приходит.

Дубянь украдкой глянул на наложницу Сюань и застенчиво улыбнулся.

— Госпожа Сюань...

В его желании «напроситься на обед» было столько же детской непосредственности, сколько и в жажде принцессы покататься на повозке.

Наложница Сюань не сдержала смешка:

— Мог бы и не спрашивать. Неужто я тебя выгоню?

Обрадованный Дубянь велел завести повозку во двор и принялся играть с Чжи. Сам-то он мог носиться по дворцовым аллеям как угодно — упадет и ладно, — но сестренку следовало побережь, так что во дворе было куда безопаснее.

Смеркалось, в покоях зажгли огни. Прислужница Го вышла во двор и, увидев дочь такой счастливой, долго стояла не шевелясь. Дубянь заметил её издали и весело помахал рукой.

Го лишь улыбнулась в ответ и, не желая мешать детям, отвесила поклон и ушла в кухню.

«Седьмой принц — на редкость искренний и милый ребенок», — подумала она.

Над крышей потянулся дымок. Маленький огород при дворце заметно расширился с прошлого визита Дубяня, здесь повсюду чувствовалось тепло обжитого дома.

Принцесса Чжи принялась и вдруг, остановив повозку, спрыгнула на землю. Она схватила Дубяня за руку:

— Пойдем, братик! Я угощу тебя кое-чем по-настоящему вкусным.

— А как же катание?

— Я чую запах жареных золотых уголков! Их надо есть, пока горячие. Когда их на стол подадут, они уже не те будут. Пойдем, стащим парочку по-тихому.

Видно было, что она занимается этим не впервые. Ловко подхватив платком два «уголка» прямо с плиты, она вытащила брата на крыльцо.

Жареные золотые уголки — хрустящее лакомство в форме полумесяца, внутри которого скрывалась нежная смесь из мясного фарша и тертого лотоса. Один укус — и во рту взрывается симфония вкусов: хрустящая корочка, сочное мясо и тонкий аромат корня лотоса.

— Как вкусно!

— Еще бы, — прошептала Чжии, придвигаясь ближе. — Братик, ты ведь будешь приходить ко мне играть? Здесь я совсем одна, мне так скучно.

— А ты разве не ходишь в школу? — спросил Дубянь.

— Матушка говорит, что принцессе довольно уметь шить и музицировать. В школу с мальчиками мне нельзя.

Дубянь перестал жевать. Он уже хотел было что-то ответить, как из покоев раздался голос:

— Мойте руки, скоро будем ужинать!

Принцесса Чжии потянула его к умывальнику, и нужные слова на время остались несказанными.

Дубянь и не догадывался, что едва он сядет за стол, как придет весть: «Прибыла благородная госпожа Чу».

«Да на мне что, проклятие какое-то висит?» — подумал он.

В прошлый раз трапезу прервал император, теперь — благородная госпожа Чу.

Наложница Сюань отложила палочки:

— Пусть войдет.

Вместе с благородной госпожой Чу в залу вошел и евнух Бао.

Отвесив поклон, Чу бросила взгляд на Седьмого принца, который молча ковырял в тарелке.

— Его Величество велел мне забрать Седьмого принца во дворец Чансинь на несколько дней. Простите, сестра, что прерываю ваш ужин. — Она сделала пару шагов к Дубяню. — Ваше Высочество, в моем дворце для вас уже приготовили все ваши любимые блюда. Его Величество распорядился, чтобы еду для вас привозили прямо из императорской кухни, дабы вы не чувствовали неудобств.

Дубянь даже головы не поднял:

— Не пойду. Поем у госпожи Сюань и вернусь в дворец Цзычэнь.

Еда прислужницы Го была куда вкуснее дворцовой.

Евнух Бао с виноватым видом шагнул вперед:

— Ваше Высочество, Его Величество велел уже и вещи ваши перевезти в дворец Чансинь.

«...»

Личико ребенка, еще мгновение назад светившееся радостью, мгновенно померкло.

Наложница Сюань со стуком положила палочки:

— Ребенок ест. Разве прилично входить с докладами в такое время?

— Сестра, простите за назойливость, но такова воля государя, — смиренно ответила благородная госпожа Чу. — К тому же, Его Величество опасается, как бы Седьмой принц здесь не испортил себе желудок.

— Это вы намекаете, что во дворце Шуньнин еда несвежая?

— Я вовсе не это имела в ви...

— Довольно, — оборвала её наложница Сюань. — Прочь отсюда.

— Наложница Сюань, но ведь это приказ императора... — начал было евнух Бао.

— Пусть он сам придет и скажет мне это в лицо!

Благородную госпожу Чу и её свиту выставили вон, и им ничего не оставалось, как ждать снаружи.

— Ешь спокойно, они не посмеют войти, — подбодрила мальчика наложница Сюань.

— Госпожа Сюань, а император вас не накажет? — Дубянь взял еще один жареный золотой уголок.

— Когда мы еще жили в поместье... — наложница Сюань на миг замялась. — У нас с государем случилось некое... разногласие в воинском искусстве. С тех пор он без нужды ко мне не заглядывает.

«...»

Насколько Дубянь помнил, «папенька» мечом владеть не умел. Стало быть, это было не «соствязание», а банальная трепка?

Он вытер рот и слез со стула.

— Госпожа Сюань, я всё же пойду.

Наложница нахмурилась и, присев перед ним, взяла его за плечи:

— Ваше Высочество, не стоит за меня беспокоиться.

— Нет, дело не в этом, — покачал головой ребенок с недетской серьезностью. — Матушка Чу — та, кого отец прочит мне в воспитательницы. Она мне совсем не нравится.

— Если не нравится, то и идти не к чему.

— Но отец уже перевез мои вещи. Он всё равно заставит.

Властность императора была Дубяню хорошо знакома. Даже если он в итоге откажется от благородной госпожи Чу, отец заставит его прожить там пару дней — в своем понимании он так «заботился» о сыне.

Мальчик обнял наложницу Сюань:

— На самом деле мне здесь нравится куда больше. Я буду часто приходить к сестренке Чжи.

Если отец действительно навяжет ему мачеху, которая ему не по душе, Дубянь просто станет «дворцовым бродягой»: сегодня спит здесь, завтра там, лишь бы не дома.

Наложница Сюань застыла от неожиданности.

Дубянь же велел Е Сяюаню забрать остатки жареных золотых уголков и, выкатив свою повозку, скрылся в ночной тьме. Наложница Сюань видела, как он холодно уклонился от руки благородной госпожи Чу, пытавшейся ему помочь, и молча сел в свою коляску.

Маленький силуэт, сгорбившийся в темноте и сердито жующий угощение, красноречиво говорил о том, как сильно он обижен на императора.

Наложница Сюань невольно протянула руку вслед, но принцесса Чжи перехватила её ладонь.

— Матушка, а братик может жить у нас всегда? — спросила принцесса. — С ним так весело. Мне кажется, вам тоже стало веселее.

— Мне? Разве я выгляжу веселой?

Принцесса Чжи коснулась пальчиком уголка губ наложницы:

— Да. Когда братик здесь, вы всё время улыбаетесь. А теперь снова стали как прежде.

Наложница Сюань накрыла ладонью руку дочери и прижала пальцы к своим губам.

Повозка катилась по аллеям, и всю дорогу Дубянь не проронил ни слова. Слуги благородной госпожи Чу бежали впереди, убирая с пути мешающие пороги.

У ворот дворца Чансинь евнух Бао, заискивающе заглядывая в лицо насупившемуся принцу, проговорил:

— Ваше Высочество, Его Величество специально велел привозить вам еду из императорской кухни. Всё там, горяченькое... Вы...

— Я же делился с тобой чаем! — вдруг выпалил Дубянь.

Евнух Бао от неожиданности даже опешил.

— Отец перевез мои вещи, а ты даже словечком не обмолвился, — сердито продолжал мальчик.
— Верно говорят: никто не будет добр ко мне так, как Сяююань и Сяочунь.

— Ох, Ваше Высочество, я же не со зла!..

— Не желаю слушать, — буркнул он, отвернувшись, пока Вэнь Сяочунь распрягал Да Хэй.

Собака отряхнулась — пробежка ей явно пошла на пользу, глаза её светились жизнью. Она ткнулась мордой в ладонь Дубяня, выказывая преданность.

Благородная госпожа Чу вскрикнула от испуга:

— Уберите собаку! Она же грязная! Как можно подпускать её к принцу?!

— Она мне нравится.

Дубянь обернулся к благородной госпоже:

— А вам — нет?

— ...Конечно, нравится. Я просто боюсь, как бы она не укусила. Но раз Ваше Высочество так желает... Эй, заберите собаку, накормите её как следует.

Слуга потянулся к веревке, но Да Хэй не тронулась с места. Только когда Дубянь сам взял поводок, она последовала за ним. За один вечер собака твердо усвоила, кто её истинный хозяин.

Е Сяююань и Вэнь Сяочунь переглянулись. Они ясно видели, как их господин отторгает госпожу Чу, и потому, не сговариваясь, вышли вперед, не давая слугам дворца Чансинь и шагу ступить подле Дубяня.

Мальчик нашел место для повозки и Да Хэй. Когда слуги принесли миску сырого мяса, он сам, нанизывая куски на палочку, принялся кормить собаку. Он терпеть не мог, когда чужаки без спроса трогали его вещи. Будь то госпожа Чу, к которой он чувствовал интуитивную неприязнь, или сам император Чунчжао — их поступок был прямым попаданием в его самую «болеву точку».

Дубянь словно оглох: он не замечал уговоров слуг пройти в зал и поужинать. Всё его внимание было отдано Да Хэй.

Евнух Бао вернулся в дворец Цзычэнь. У входа он столкнулся с евнухом Юй.

— Ну как? — шепотом спросил тот.

— Ох, — выдохнул евнух Бао, — Седьмой принц на сей раз разгневался не на шутку. Никогда не видел его в такой ярости.

— Иди скорее, Его Величество ждет. Трижды за час о тебе спрашивал.

Евнух Бао поправил одежду и вошел с докладом. Пересказав императору всё без утайки, он с сокрушенным видом добавил:

— Ваше Величество, с самого приезда в дворец Цзычэнь Маленький принц был со всеми добр и ласков. А сегодня даже на меня прикрикнул. Может... может, вам стоит самому навестить его?

Император Чунчжао почувствовал, как голову снова пронзила боль.

— Я потому и велел перевезти его поскорее, что знал: если он бросится ко мне, я не смогу его оттолкнуть. Как ведет себя благородная госпожа Чу?

Бао призадумался:

— Всячески потакает Его Высочеству. Даже когда он капризничает, не сердится. Когда принц выпустил ту собаку из Зверинца, она лишь пеклась о его безопасности.

— Она женщина достойная. А вот Дубянь... эх. — Император Чунчжао потер виски. — Ступай в сокровищницу, выбери две коробки благовоний моего собственного изготовления. И прихвати пару золотых «жуи». Завтра же доставь всё во дворец Чансинь.

— Благородная госпожа Чу вроде больше любит агат, — заметил Бао.

Император удивленно на него посмотрел:

— С чего ты взял, что это для неё? Это для моего сорванца. Боюсь, как бы он совсем не разбушевался.

«Стало быть, это подкуп? — подумал евнух Бао. — Не поздно ли, Ваше Величество?»

<http://bllate.org/book/16117/1589168>